

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *Н. Никоновой*

Редактор серии *А. Антонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Неопознанный ходячий объект : [роман] /
Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2020. —
320 с.

ISBN 978-5-04-110016-2

Подругам Анфисе и Женьке приключений искать не надо. Они сами их находят. Казалось бы, в такой глухомани, куда занесло подруг, вообще ничего не происходит, ан нет: три убийства кряду при очень загадочных обстоятельствах, черные мессы на заброшенной мельнице, леденящий душу вой с болот — и масса подозреваемых. Только вот улик-то маловато. А когда улики появляются, то подругам они вроде уже и ни к чему: преступники-то — вот они, стоят рядом и нагло усмеваются...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т. В., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020
ISBN 978-5-04-110016-2

— Это черт знает что такое! — заявила Женька, и я удрученно кивнула в знак согласия. — Что он себе позволяет? — продолжила подруга. — Нет, спускать такое с рук никак нельзя, себе дороже.

Я вздохнула и даже шмыгнула носом от обиды и отчаяния, потому что Женька была права по всем статьям: и с рук спускать нельзя, и себе дороже. Однако Женьке хорошо говорить, а каково мне, ведь речь идет о моем муже? Роман Андреевич, бравый полковник спецназа, в самом деле время от времени позволял себе... я хочу сказать, иногда он вел себя как распоследняя свинья, прошу прощения... Взять, к примеру, вчерашний случай. Разумный человек сначала бы выяснил, в чем дело, а уж потом бы начал столы кувыркать, хотя, по моему мнению, разумному человеку столы кувыркать вовсе ни к чему. Впрочем, зная характер мужа, стоило предупредить его, что я иду в ресторан с двумя типами, то есть не я иду, конечно, мне-то они даром не нужны, идет Женька, а я ее сопровождаю. Но подруга сказала, что предупреждать Ромку не стоит, не то он непременно разволнуется и начнет воспитывать, лучше, мол, сходим по-тихому, он даже ничего не узнает. По-тихому не получилось, то есть получилось совсем наоборот, даже очень громко, так что лучше бы он нас воспитывал, а не столы в ресторане кувыркал.

Вспомнив об этом, я пунцово покраснела и тяжело вздохнула уже который раз за утро. Женька, нахмутив брови, посмотрела на меня и заметила:

— Гнать его надо. В шею.

— Как это? — испугалась я. Прежде всего сама идея показалась мне крайне сомнительной в плане претворения ее в жизнь: Роман Андреевич — мужчина очень крупный, и гнать его в шею весьма затруднительно. А потом, что значит «гнать»? — Ну не разводиться же мне с ним? — испуганно спросила я и даже поежилась.

Конечно, Ромка иногда ведет себя ужасно, потому что патологически ревнив. Хотя с какой стати ему ревновать, а главное, к кому, я постигнуть не в состоянии. Тут я невольно поморщилась и вдруг подумала: «Вечно я иду на поводу у подружки, от этого все мои неприятности», — тут же устыдилась такого предательства по отношению к Женьке и ни с того ни с сего заревела.

— Анфиса, — протянула Женька, обняла меня и тоже заревела. — Ну, что ты? Помиришься ты со своим Ромкой, нашла о ком слезы лить.

— Дело не только в этом, — прохныкала я.

— А в чем?

— Во многих вещах. Из-за его выходки ты лишилась...

— Наплюй, — перебила меня подружка и махнула рукой. — Найду еще спонсоров, а не найду — не велика потеря, мир вполне способен выстоять и без моих рассказов о собаках и кошках.

— А стыдно-то как, Женечка, — всхлипнула я.

— Подумаешь, покидал мужик столы. Если уж быть точным, пострадал всего один стол. Наш. И Ромка за все расплатился. А эти хмыри в ресторане пусть не делают вид, что такое им в диковинку. В этом кабаке в

прошлом году Жора Самсонов пальбу устроил. Народ натурально залег, а Жорка полтора часа держал оборону и даже орал: «За Родину, за Сталина», когда спецназ вызвали.

— Мне Ромочка рассказывал, — кивнула я.

— Ну... Жора немного отдохнул в психушке и сейчас в «Лютеции» любимый клиент.

— При чем здесь психушка? — испугалась я.

Женька только рукой махнула.

— Ромку твоего в психушку не отправят, он же не орал: «Родина-мать зовет» — и стрельбу тоже не устраивал, хотя, если б кто поинтересовался моим мнением, я б посоветовала твоему муженьку валерьянку пить. Лучше ведрами. Уж очень он у нас возбудимый.

Мы дружно вздохнули и замолчали.

Я жалобно взглянула на Женьку и вздохнула еще раз, выходило, что подружка пострадала больше всех. И хоть она сейчас храбрится, но наверняка здорово переживает. Дело в том, что Евгения Петровна пишет рассказы, главными героями коих являются животные, и печатает их в воскресных номерах газеты, в которой работает уже лет пять. Ее произведения печатались под рубрикой «Окно в природу». Рассказов накопилось уже немало, и Женька решила выпустить их отдельной книжкой. Я активно поддержала эту идею и предложила свою помощь. Если честно, мне хотелось сделать Женьке подарок: издать на свои средства книгу тиражом экземпляров в триста, зато на хорошей бумаге и с иллюстрациями местного художника Петровского, который тоже очень любил животных... Но подружке моя идея пришлась не по вкусу.

— Издавать книжку на свои деньги — это белая горячка, — сурово отрезала она. — Если ты решила потратиться, лучше на день рождения резину мне купи. Лето, а на моей тачке ездить нельзя, менты цепляют-

ся. А чтоб книжку издать, я спонсоров найду, можешь не сомневаться.

В Женьке я никогда не сомневалась, подарила ей комплект резины, а она занялась поисками спонсоров, и таковые в самом деле не замедлились объявиться. Женька позвонила мне накануне и похвастала:

— Слышь, Анфиса, дело, считай, в шляпе. Один хмырь готов раскошелиться. Соловьем пел... Но ты должна мне помочь. У хмыря друг совершенно помешался на детективах, причем на твоих в особенности. Просто жаждет познакомиться. Я так думаю: если мы правильно себя поведем, мои рассказы выйдут на мелованной бумаге в сафьяновом переплете. — Если честно, местоимение «мы», употребленное Евгенией Петровной, меня насторожило, но возражать я не рискнула, утешив себя мыслью, что нет ничего плохого в том, чтоб познакомиться с каким-то хмырем, то есть другом хмыря, и тем самым помочь подруге. — Короче, сегодня вечером идем в «Лютецию».

— Я не могу, — запаниковала я, — Роман Андреевич...

Но подружка сурово перебила:

— Роман Андреевич сегодня дежурит, так что не вкручивай...

— Хорошо, — пошла я на попятный, — я с ним поговорю.

— Еще чего, он сто предлогов изобретет, чтоб тебя из дома не выпустить.

— Ничего подобного, — попробовала я вступить за мужа, но Женька вновь перебила меня:

— Не вздумай ему рассказать. И помни, ты моя самая близкая подруга и просто обязана думать о моем благополучии. Так что Ромке о ресторане помалкивай, подгребай к шести часам к зданию цирка, там мы тебя и заберем.

Мы тепло простились, но через пятнадцать минут Женька опять позвонила, и мы стали совещаться: что надеть вечером и какую следует сделать прическу. Впрочем, вопрос о прическе касался только меня, свои волосы Женька месяц назад обкорнала, так что теперь могла о них не беспокоиться до тех пор, пока они хоть немного не отрастут. Волосы, в знак протеста против различного рода истязаний, на Женькиной голове произрастали весьма неохотно. Должно быть, с отчаяния она взяла да и выкрасила те, что еще украшали ее макушку, в синий цвет и стала выглядеть сногшибательно в буквальном смысле слова. Так что когда Женька, рассказывая об очередном своем знакомом, произносила фразу «Он совершенно остолбенел», мне и в голову не приходило усомниться в этом.

Мы благополучно закончили переговоры, и в 18.00 я появилась возле здания цирка, где меня поджидал роскошный «БМВ», из которого вышли двое молодых мужчин и моя подружка. Мужчины выглядели абсолютно счастливыми и рассыпались в комплиментах. Занятая знакомством и улыбками, я совершенно не обращала внимания на то, что происходит по соседству. И совершенно напрасно, как выяснилось. По соседству в тот момент проезжал Роман Андреевич и мог наблюдать с расстояния в несколько метров, как я загружаюсь в «БМВ» с помощью молодого человека, который демонстрировал свой восторг моей персоной со всей страстью души, на какую только был способен. Супруг, забыв об очередном боевом задании, проследовал за нами до «Лютетии». Не успели мы устроиться за столом, как в зале возник Роман Андреевич, и... вспоминать, что было дальше, совершенно не хотелось. Ромка вел себя как неандерталец, не обращая внимания ни на мои объяснения, ни на Женькины отчаянные вопли. Но это еще не все. Он

привез меня домой и там устроил повторный скандал. Говорил мне гадости, топал ногами (у нас третий этаж, а у Ромки — комплексция). Бедные соседи под нами наверняка решили, что началось землетрясение. И только когда я в отчаянии запустила в него чайником, согласился выслушать мои объяснения. Тут подросла Женька, которая все это время утешала пострадавших бизнесменов и своих несостоявшихся спонсоров, и слово в слово повторила то, что десять минут назад поведала я.

Немного успокоившись, но все еще подозревая нас во всех смертных грехах, Роман Андреевич принялся за наше воспитание, но ногами не топал, и это было уже хорошо. Однако, как всегда в таких случаях, муженек перегнул палку, и очень скоро я начала чувствовать себя не виновницей семейной ссоры, а жертвой чудовищного насилия со стороны тирана-супруга, и мы вновь принялись скандалить. Женька убежала, я лишилась поддержки, и в результате Роман Андреевич запер меня в ванной, как он заявил, «до полного прояснения в мозгах». Я была выпущена только около полуночи, после чего сама заперлась в спальней, пригрозив, что, если Роман Андреевич не прекратит ломиться в дверь, я воспользуюсь балконом, чтобы перебраться к соседям. Мы с мужем неплохо знали друг друга — он угомонился, и я смогла лечь спать. А проснувшись утром, обнаружила себя запертой в квартире, причем ключи мои из сумки исчезли.

Я сразу же позвонила Женьке, и она согласилась со мной, что это черт знает что и надо бороться. Воспользовавшись балконом соседней (сказать по чести, это было и не трудно, и не опасно), я смогла вырваться на волю. Женька поджидала меня во дворе на своих «Жигулях», мы обнялись, всплакнули и поеха-

ли к ней — думать, как жить дальше, что и делали до сих пор.

Наше молчание несколько затянулось, мы обменялись взглядами, и Женька мрачно заявила:

— Если ты его простишь, как следует не помучив...

Я испуганно моргнула и машинально схватилась за сердце, но нашла в себе силы проявить твердость.

— Думаешь, я должна подать на развод? — леденя от своей решимости, а заодно и от отчаяния, спросила я. Если честно, разводиться с Ромкой мне не приходило в голову, даже в самые неприятные минуты нашей совместной жизни. На мой взгляд, у мужа имелись неоспоримые достоинства, которые перевешивали кое-какие недостатки. Женька тоже моргнула, дернула плечом и потеряла нос, после чего ответила:

— Ну... проучить его все ж таки надо.

— Надо, — согласилась я, и мы уставились друг на друга в ожидании дельных предложений.

Тут выяснилось, что у меня их нет и у Женьки, судя по всему, тоже. Это тут же сказало на нашем энтузиазме, мы загрустили, начали вздыхать все чаще и горше и поспешно отводили глаза друг от друга.

— Да-а, — неопределенно заметила Женька, а я вдруг подумала, может, не стоило мне сбегать из квартиры через соседский балкон? В конце концов, я могла бы немного посидеть в квартире, заодно занялась бы уборкой, давно собиралась... А Ромка, вернувшись с работы, непременно бы подобрел. А если бы я еще на жизнь пожаловалась да заревела, и вовсе стал бы каяться, сделал бы для меня что-нибудь приятное, например, взял бы недельный отпуск, и мы поехали бы вдвоем куда-нибудь отдохнуть — погода, кстати, очень к этому располагает.

Однако высказывать крамольные мысли вслух я не рискнула, Женьке это вряд ли понравится. Опять же,

подружка права, Ромка ведет себя по-свински, лишь только дело касается мужчин. А самое неприятное — начинает действовать прежде, чем я успеваю что-то объяснить. И хотя в этот раз Женькины спонсоры не очень-то пострадали, я имею в виду увечья. В основном пострадали их костюмы, но об этом горевать глупо, в конце концов, люди они не бедные и недостаток в костюмах не испытывают.

Тут у меня зазвонил сотовый, мы с Женькой разом вздрогнули и уставились на телефон, который лежал на столе рядом с сахарницей.

— Это он, — почему-то шепотом сказала подружка, я взглянула на экран, где высветился номер, и согласо кивнула:

— Он.

— Выключи, — заволновалась Женька. Мой телефон прекратил дребезжать, зато сразу зазвонил Женькин. Подружка не шелохнулась, испуганно косясь на перламутрово-зеленый аппарат, тут включился автоответчик, и мы услышали Ромкин голос.

— Женька, — рявкнул муженек, — Анфиса у тебя? Я сейчас подъеду. И не вздумайте дурака валять, не то мало не покажется.

— Что же делать? — пролепетала я, тоже переходя на шепот.

— Бежать, — заявила Женька и устремилась к окну. Честно говоря, я здорово испугалась, потому что у Женьки третий этаж. Но оказалось, что подружка просто обозревает двор, желая убедиться, что Роман Андреевич еще не появился там. — Собери самое необходимое, — зашептала она.

— В каком смысле? — растерялась я. Женька нахмурилась, должно быть, злясь на мою бестолковость, вновь выглянула в окно и принялась чертыхаться:

— Вот он. Опоздали.

Мы бестолково метались по Женькиной кухне, пока подруга, ухватив меня за руку, не бросилась прочь из квартиры, но побежали мы не вниз, что было бы неразумно, раз мы не собирались встречаться с моим благоверным, а понеслись вверх по лестнице. Дом у Женьки пятиэтажный, и вскоре мы достигли пятого этажа.

— На чердак, — скомандовала она, и через пять минут, прильнув к чердачному окну, мы с некоторым трудом смогли разглядеть машину Романа Андреевича, которую он бросил возле мусорных баков. — А тачка смотрится неплохо, — немного невпопад заметила подружка. — Что значит новая.

— У тебя тоже новая, — напомнила я.

Женька нахмурилась:

— Была.

Конечно, после двух столкновений с воротами гаража, в который Женька пыталась заехать, назвать ее машину совсем новой язык не поворачивался, но с предыдущей Женькиной машиной было еще хуже, так что с этой ей, считай, повезло.

— Хорошо, что я тачку в гараже оставила, — пробормотала Женька, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в подъезде. — Может, этот гад решит, что нас нет дома? Как думаешь, он дверь не будет выламывать?

Я подумала, что Женьке не мешало бы выйти замуж и вдоволь называть гадом своего мужа, но промолчала, лишь сведенными бровями и неодобрительным взглядом давая понять, что направление, которое принял наш разговор, мне не по душе. Тут хлопнула подъездная дверь, и через минуту мы смогли лицезреть Романа Андреевича, который вышагивал к своей машине.

— И ничего он выламывать не собирался, — удов-

летворенно заметила я, хотя за пару секунд до этого клясться в том ни за что бы не стала.

— Слава богу, — вздохнула Женька. — Дверь у меня хлипкая, и, по большому счету, ее не жалко, пусть бы крушил на здоровье, но ведь потом мороки... Ну что, раба божья Анфиса, потопали?

— Куда? — поинтересовалась я.

— Не знаю... — Женька еще раз выглянула в чердачное окно. Роман Андреевич как раз покидал двор. — Ромка твой хоть и без царя в голове, но жутко хитрющий, ему ничего не стоит занять позицию где-нибудь по соседству, чтоб хорошо просматривалась дверь подъезда, и выследить нас.

— Что же делать? — испугалась я, перспектива сидеть целый день на чердаке меня совершенно не прельщала.

— Пойдем через третий подъезд, — скомандовала Женька, — и сразу в кусты.

— Какие кусты? — Не знаю, что на меня нашло в тот день, но соображала я в самом деле неважно.

— Анфиса, соберись! — рывкнула подружка. — Кусты рядом с подъездом, уходим через парк. В гараж за тачкой заходить нельзя, он нас там может перехватить, значит, будем прорываться к остановке.

— А что потом, Женечка? — проблеяла я.

— Потом я еще не придумала. За мной.

Чихая от поднятой нами пыли, мы прошли к третьему подъезду и выбрались на лестничную клетку. Немного поглазели в окно, впрочем, без всякого толка, после пятиминутной подготовки, покинув подъезд, юркнули в кусты и что есть духу припустились к остановке.

Ромкиной машины видно не было, это меня успокоило, я перестала втягивать голову в плечи и даже рискнула спросить:

— Куда теперь?

Женька, сидя в тени афишной тумбы, размышляла никак не меньше пятнадцати минут.

— Ни к кому из девчонок тебе нельзя. Найдет. Слушай, Людка говорила, что у нее родители на дачу уехали, на все лето.

— Говорила, — кивнула я.

— Вот и отлично. Значит, квартира пустует, у нее и спрячемся.

— Тебе-то чего прятаться? — с легкой обидой заметила я.

— Если Ромка меня поймает, я могу проболтаться, — мрачно заметила Женька. — У каждого человека есть запас прочности. Свой я еще не проверяла, и, честно говоря, даже не хочется, если будут допрашивать с пристрастием, боюсь, могу не выдержать.

— Кто тебя будет допрашивать? — перепугалась я.

Женька задумалась, потом махнула рукой и заявила:

— Звони Людке на работу.

Людка поначалу нам обрадовалась, потом растерялась, а затем начала волноваться.

— Да что случилось-то? — испуганно воскликнула она, Женька отобрала у меня трубку и начала излагать:

— Ромка вчера поколотил моих спонсоров, Анфиса на него сильно осерчала и решила наказать. Но ты же Ромку знаешь, если Анфиса вступит с ним в контакт, с его воспитанием очень скоро будет покончено, потому она должна держаться от него подальше. Мы тут прикинули: самое подходящее для этого место — квартира твоих родителей. Ромка о ней точно не знает. Мы укроемся там на пару дней. Думаю, за это время в мозгах у него прояснится, он все осознает, а мы сможем вернуться домой.